

Постоянный Советъ Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ.

У $\frac{292}{146}$

ДОКЛАДЪ

по вопросу о

СОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ

и

МѢРАХЪ КЪ ЕЯ УПОРЯДОЧЕНІЮ

Кн. Д. Н. Цертелева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. М. Эриксъ, Невскій проспектъ, № 74.

1908.

№ 551544

Когда я получилъ увѣдомленіе о томъ, что ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно было назначить меня членомъ Особого Совѣщанія для составленія Новаго Устава о Печати, я думалъ, что участвуя въ теченіи многихъ лѣтъ, какъ сотрудникъ и редакторъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, я буду имѣть возможность со своей стороны принести нѣкоторую пользу при разрѣшеніи той задачи, которая возложена была **ВЫСОЧАЙШЕЮ** волей на Совѣщаніе, состоявшее подъ предсѣдательствомъ Д. Θ. Кобеко; скоро выяснилось, однако, что большинство участвующихъ видѣло въ печати не столько общественное дѣло, сколько частное предпріятіе, гдѣ правительство должно заботиться не столько объ умственной и нравственной пользѣ читателей, сколько о не-
зависимости интересовъ предпринимателей.

Между тѣмъ, составленіе законовъ, которые дѣлали бы возможнымъ для періодической печати разумное служеніе на благо Россіи, не представляло еще никакихъ трудностей. Законодательная власть всецѣло принадлежала Монарху, ясно выразившему Свою волю и никому не приходило въ голову, что воля эта должна быть ограничена народнымъ представительствомъ. Даже графъ С. Ю. Витте, желавшій позднѣе участія въ этомъ представительствѣ не только «лучшихъ людей», но и народныхъ массъ, въ то время думалъ объ особыхъ внѣвъдомственныхъ судахъ, которые могли

бы болѣе компетентно и безпристрастно рѣшать дошедшія до нихъ дѣла по злоупотребленіямъ печатнымъ словомъ.

Тогда «свобода печати», въ смыслѣ права издателя клеветать, подстрекать къ грабежамъ и убійствамъ, наживаться на порнографическихъ романахъ и картинкахъ и на шантажныхъ объявленіяхъ, не была еще признана доказательствомъ цивилизаціи и прогресса. Выработанному Совѣщаніемъ проекту не суждено было, однако, не только осуществиться, но даже дойти до Государственнаго Совѣта. Въ октябрѣ, 1906 года, во время уже начавшихся желѣзнодорожныхъ забастовокъ, члены Особого Совѣщанія получили приглашеніе явиться для подписанія составленнаго въ канцеляріи проекта новыхъ «Временныхъ Правилъ».

Съ тѣхъ поръ положеніе значительно измѣнилось. Сложная машина народнаго представительства уже введена и теперь мы, какъ представители одного сословія не можемъ, конечно, говорить отъ имени всей Россіи, но несмотря на желаніе международной интеллигенціи занять мѣсто, по ея мнѣнію, уже упраздненнаго перваго сословія — это до сихъ поръ еще не удалось ей и само дворянство и враги его все яснѣе начинаютъ понимать, что дворянство необходимо въ чистой, а не фальсифицированной конституціонной монархіи, а эта монархія необходима для цѣльной, а не мозаичной Россіи.

Мы здѣсь находимся не въ законодательномъ собраніи и не призваны вырабатывать подробныя и точныя формулы, поэтому я ограничусь краткимъ изложеніемъ того, что уже много разъ высказывалось мною въ печати. Какъ ни стары тѣ приемы, посредствомъ которыхъ простыя матеріальныя выгоды драпируются въ тогу высшихъ духовныхъ требованій, они не утра-

тили надъ толпою своего чарующаго дѣйствія; одинъ изъ любимыхъ приемовъ у демагоговъ состоитъ въ томъ, чтобы назвать свободой то, что въ дѣйствительности есть право. Но слово—свобода, самымъ звукомъ своимъ, подкупая слушателей, избавляетъ говорящаго отъ обязанности что бы то ни было доказывать. (Свобода личности, свобода слова, свобода совѣсти, свобода мысли!

Какъ это прекрасно звучитъ. Кто рѣшится спорить противъ такихъ тезисовъ? Но попробуйте только измѣнить терминологию—окажется, что безусловная свобода личности требуетъ безнаказанности преступленій; что свобода слова предполагаетъ не только право подстрекать, но и право оскорблять и клеветать. Свобода совѣсти, свобода мысли? Но что она значитъ въ дѣйствительности, а не на жаргонѣ адвокатовъ современнаго анархизма?) Gedanken sind Zollfrei, — говорятъ нѣмцы и думаютъ не только о религіозныхъ, но о какихъ бы то ни было вопросахъ, каждый можетъ, что ему угодно. За свои мысли человекъ отвѣчаетъ только передъ своею совѣстью и говорить о свободѣ самой совѣсти было бы просто нелѣпо, еслибы подъ такой свободой не разумѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ право исповѣдыванія своихъ вѣрованій. Но какъ только мысль, вѣра или желаніе изъ области чисто субъективной переходятъ въ сферу дѣяній, поступки каждаго могутъ оказаться правомѣрными или неправомѣрными. Неправомѣрные или могутъ быть допускаемы во имя принципа личной свободы и затѣмъ караемы по суду или недопускаемы во имя предупрежденія зла. Въ первомъ случаѣ, когда правосудіе слишкомъ опаздываетъ, является неудержимое стремленіе замѣнить его самосудомъ и случаи суда Линча нерѣдки не только въ Россіи, но и въ Америкѣ.

Въ дѣлахъ о печати, гдѣ оскорбленія, клевета и диффамация играютъ видную роль, на Западѣ нѣкоторымъ коррективомъ безнаказанности, когда дѣйствительный виновникъ не желаетъ воспользоваться анонимностью, позволяющей ускользнуть отъ отвѣта, являются поединки. Анонимность въ печати, какими бы вѣскими соображеніями она ни прикрывалась, всегда доказываетъ нежеланіе автора отвѣчать за то, что имъ написано и оглашено. Право не только писать, но и печатать вещи оскорбительныя для другихъ, извлекая матеріальныя выгоды изъ своихъ трусливыхъ обличеній, есть одно изъ самыхъ возмутительныхъ злоупотребленій такъ называемой свободы печати.

Обязанность доказывать обвиненіе всегда лежитъ на обвинителѣ, но только не тогда, когда онъ анонимно выступаетъ передъ судомъ общественной совѣсти. Тутъ, наоборотъ, онъ можетъ лгать и клеветать, увѣренный, что даже тогда, когда его уличать, а издатель не пожелаетъ прикрыть его продѣлки, ему стоитъ только перемѣнить свою кличку, чтобы продолжать свое ремесло въ другомъ изданіи. Анонимность есть величайшее зло, противъ котораго всячески должно бороться все, что осталось еще честнаго въ печати. Говорить публично имѣетъ право только тотъ, кто не прячется за спиною редактора, кто не боится, что его уличать во лжи и не готовить себѣ лазеекъ, чтобы прошмыгнуть изъ одного лагеря въ другой.

Единственное, что всюду гарантируетъ не только процвѣтаніе, но самое существованіе общества — это честность.

Гласность, казалось бы, должна служить ей лучшей порукою, а печать — не только не закрѣпляя сказанное слово, но давая возможность его широкаго распространенія, — должна бы являться огражденіемъ отъ лжи. Основ-

ную задачу печати выразилъ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, указавъ на то, что она должна говорить правду и одну только правду. Но къ сожалѣнію, мы не только не приблизились къ этому идеалу, а находимся отъ него дальше чѣмъ когда бы то ни было.

Временныя Правила о Печати, не только не позаботились о правдѣ, но, наоборотъ, предоставили полный просторъ безнаказанной лжи, основавъ просвѣщеніе большинства общества на денежныхъ сдѣлкахъ между издателями и пишущими, которыхъ нельзя даже назвать писателями, когда недостатокъ грамотности они замѣняютъ избыткомъ наглости.

Временныя Правила въ связи съ необходимостью во многихъ мѣстахъ ввести положеніе усиленной охраны, поставили дѣло печати въ такое ненормальное положеніе, въ какомъ оно кажется еще никогда не бывало. Въ то время, какъ по мысли Монарха должны были быть выработаны уставы, которые дали бы возможность русской печати служить на пользу Россіи — обнародованы Временныя Правила, сдѣлавшія все преступленія печати неуловимыми, подъ прикрытіемъ свободы совѣсти и слова. Когда мятежники оскорбляли народныя святыни, русскія войска должны были охранять неприкосновенность ихъ личности.

Основнымъ правиломъ печати должно быть положеніе, что никто не имѣетъ права говорить публично, когда не желаетъ самъ отвѣчать за сказанное имъ. Печать должна говорить правду и только правду, но возможно ли это, тогда, когда авторъ вноситъ ложь во все, не исключая своей подписи? Если за все, что человекъ дѣлаетъ, онъ долженъ нести отвѣтственность не только передъ своею совѣстью, но и передъ судомъ, то какъ объяснить, что именно тамъ, гдѣ его дѣйствія касаются всего Общества, — законъ предоставляетъ ему надѣть

шапку-невидимку и разгуливать въ ней, оскорбляя, подстрекая и развращая всѣхъ встрѣчныхъ? (Такая по истинѣ чудовищная аномалія объясняется только тѣмъ, что почти во всѣхъ странахъ законы о печати писались уже тогда, когда въ законодательство успѣла проникнуть уже другая ложь, ложь мнимаго народовластія, подъ названіемъ политической свободы). Что дѣйствительнымъ хозяиномъ страны вездѣ и всегда бываетъ сила, что бороться противъ сильнѣйшаго, зная, что онъ одолѣетъ—не героизмъ, а глупость—спорить противъ этого могутъ только дѣти. И народовластіе и гласность, неразрывно связанныя съ нимъ предполагаютъ, что власть находится не въ рукахъ тѣхъ или того, кто лучше другихъ можетъ воспользоваться ею на пользу всего народа, а тѣхъ, кто лучше умѣетъ приноровиться ко вкусамъ толпы. Мнимое равенство избирательныхъ правъ есть очевидная ложь, которая тѣмъ легче соблазняетъ народъ, чѣмъ меньше онъ понимаетъ сущность избирательной политики.

Нельзя не признать, однако, что въ новѣйшей исторіи демагогія является съ нѣкоторою видимостью основаній. Абсолютная монархія во Франціи, доведшей принципы абсолютизма до крайнихъ предѣловъ, оказалась не на такой высотѣ, чтобы монархъ дѣйствительно могъ служить олицетвореніемъ государства и въ результатѣ получилась великая французская революція, обнаружившая все несоотвѣтствіе между благодушнымъ королемъ и тѣми духовными положительными и отрицательными силами, которыя успѣли накопиться во Франціи въ теченіи столѣтій. Что такъ называемая великая революція была возмущеніемъ не противъ монархическаго режима, а противъ неспособности монарха дать выходъ дремавшимъ силамъ народа, очевидно изъ того, что даже послѣ Седана бонапартизмъ не пере-

сталъ тревожить республиканцевъ. Между тѣмъ едва ли былъ кто нибудь, кто больше Наполеона I презиралъ бы народъ, *toute cette canaille*, въ которомъ онъ видѣлъ только пушечное мясо. Выйдя изъ народа, Наполеонъ зналъ, что единственное, что внушаетъ народнымъ массамъ не только страхъ, но и почтеніе—это сила и правда. Народъ легко поддается на хитрости, но презираетъ хитрецовъ.

То основное положеніе, изъ котораго должно исходить законодательство о печати—прямо противоположно тому, котораго держались юристы, участвовавшіе въ составленіи проекта уставовъ о печати. Необходимо признать, что въ печати каждая ложь есть преступленіе. Если даже въ публичной рѣчи человѣкъ можетъ увлечься и обмолвиться, то именно въ печати этого быть не можетъ, у него есть время подумать и даже въ корректурѣ исправить свою ошибку. Слѣдовательно существуетъ полное основаніе предполагать, что всякое отступленіе отъ правды есть умышленная ложь. Во всякомъ случаѣ автору такого сообщенія справедливость котораго не доказана, необходимо установить, что онъ не могъ думать иначе, какъ именно такъ, какъ сообщилъ читателямъ; только при такомъ положеніи печати, гдѣ всегда есть лицо и матеріально и нравственно отвѣчающее за то, что въ ней высказано, печать перестанетъ быть ядомъ, отравляющимъ цѣлыя поколѣнія.

Какое воспитательное и нравственное значеніе можетъ имѣть печать, когда въ ней появляются адреса сводней и домовъ терпимости, или рекомендуются порнографическіе романы и картинки. Чѣмъ моложе и чѣмъ меньше образована публика, тѣмъ легче она идетъ на приманку запрещеннаго плода. Если послѣднее время и не безъ основанія толкуютъ объ отравленіи народа

алкоголемъ, то гораздо опаснѣе отравленіе молодыхъ поколѣній неизлѣчимымъ ядомъ разврата, а подѣ именемъ свободы печати проходить все что угодно: начиная отъ мерзкихъ разсказовъ и повѣстей и кончая подстрекательствомъ къ убійству и вооруженному возстанію. Борьба противъ этого зла совершенно безнадежна до тѣхъ поръ пока само правительство не понимаетъ или не хочетъ понять, что требуя для каждаго охраны его личныхъ правъ и въ тоже время подѣ названіемъ свободы давая всѣмъ возможность нарушать эти права, оно вноситъ въ законодательство такое противорѣчіе, котораго потомъ не въ силахъ примирить никакія юридическія тонкости. Ложь ни для кого и никогда не можетъ быть правомъ; но въ практической жизни, каждая истина находится въ зависимости отъ времени и отъ мѣста. Въ печати условія времени и мѣста совсѣмъ не тѣ, какъ въ живой рѣчи и книга или газета получаетъ иногда вліяніе не тогда и не тамъ, гдѣ она издана.

Также, какъ во время французской революціи ученіе Жанъ-Жака Руссо являлось однимъ изъ главныхъ ея толчковъ, такъ теперь у насъ, многіе изъ людей, увлекшихся освободительнымъ движеніемъ воображаютъ, что они могутъ считаться послѣдователями ученія о непротивленіи злу Л. Н. Толстого. Но именно въ этомъ состоитъ великая опасность публичнаго слова. Ораторъ и писатель не знаютъ къ кому именно обращено это слово? — одного оно можетъ научить, помочь и вразумить его, а другого соблазняетъ, обманываетъ и губить; но какъ ни трудно и какъ ни опасно положеніе учителя пока онъ лично выступаетъ передъ слушающею его толпою, опасность прежде всего является для него самого. Теперь, наоборотъ, благодаря свободѣ печати и скромнымъ псевдонимамъ, никогда неизвѣстно кто

говорить, хотя бы сообщались рецепты, могущіе служить для взрыва цѣлыхъ городовъ или вѣрующіе анархическимъ ученіямъ призывались къ убійствамъ десятковъ или тысячъ людей. «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ»,—искреннее убѣжденіе несчастныхъ исполнителей того плана, котораго они служатъ слѣпыми орудіями.

Самое ужасное въ такъ называемомъ освободительномъ движеніи то, что главный контингентъ этого движенія состоитъ изъ подростковъ, почти дѣтей. Какъ могли мы въ теченіи менѣе полувѣка дойти до такого положенія, что почти никто уже не вѣритъ въ высшее значеніе ни собственной, ни чужой жизни.

Судя по всходамъ русскаго просвѣщенія можно подумать, что они обратно пропорціональны количеству брошенныхъ сѣмянъ. Отъ чего это зависитъ? Отъ того ли, что почва была неподходящей или отъ того, что дѣло начато не съ того конца, какъ слѣдовало бы. Петръ Великій сѣумѣлъ взять у нѣмцевъ все, что они могли дать, но и тогда уже онъ мечталъ объ академіи, во главѣ которой могъ бы стать Лейбницъ, такъ что она являлась бы дѣйствительно центромъ русскаго или даже европейскаго знанія, а не такой популяризаціи науки, которая посредствомъ газетнаго просвѣщенія сдѣлала бы доступнымъ каждому патентъ на званіе ученаго.

Было время, когда печать и литература казались синонимами. Печаталось только то, что имѣло серьезное значеніе. Нетолько для того, чтобы написать книгу, но чтобы прочесть ее, нужны были время, вниманіе, работа и эта работа не приносила никакихъ матеріальныхъ выгодъ, оплачиваясь только удовлетвореніемъ внутренняго стремленія къ истинѣ; но мало по малу положеніе измѣнилось... Писательство и издательство

изъ способа сообщенія мыслей превратилось въ способъ наживанія денегъ, изъ кафедры моралиста и ученаго — въ торговый домъ, поощряющій производство тѣхъ товаровъ, которые болѣе ходко идутъ въ публикѣ.

Если бы я захотѣлъ, хотя бы вскользь упомянуть о выдающихся людяхъ, сознававшихъ неизмѣримый вредъ, приносимый періодической прессой, подносящей читателямъ сплетни и развратъ вмѣсто просвѣщеня, я не могъ бы ограничиться нетолько предѣлами этого доклада, но и цѣлой книгой; поэтому ограничусь нѣсколькими цитатами изъ Ф. Лассалья, котораго никто не заподозритъ въ пристрастїи къ средневѣковой инквизиціи.

«Нашъ главный врагъ,—говоритъ Лассаль,—главный врагъ здороваго развитія германскаго духа и германской народности въ настоящее время — печать. Печать на той степени развитія, которой она теперь достигла (это было написано еще въ шестидесятыхъ годахъ)—есть истинный и опаснѣйшій врагъ народа, тѣмъ болѣе опасный, что онъ выступаетъ подъ маской. Ея лживость, развращенность и безнравственность уступаютъ развѣ только ея невѣжеству».

Наши газеты вмѣсто того, чтобы быть передовыми борцами свободы, ничто иное, какъ промышленное приложеніе капитала и денежная спекуляція. Въ настоящее время чѣмъ хуже газета, тѣмъ шире кругъ ея подписчиковъ.

Это серьезныя, очень серьезныя явленія, и съ душою полною скорби я не боюсь сказать, что если не произойдетъ совершеннаго перерожденія этой печати и газетная чума просвирѣпствуетъ еще пять-десять лѣтъ, нашъ народный духъ будетъ испорченъ и погубленъ въ самой его глубинѣ. Вы понимаете, что если тысячи газетныхъ писаекъ, этихъ нынѣшнихъ

учителей народа, ежедневно сотнями тысячъ голосовъ внушаютъ народу свое глупѣйшее невѣжество, свою безсовѣстность, свою скопческую ненависть ко всему истинному и великому въ политикѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, — народу, который довѣрчиво хватается этотъ ядъ, надѣясь почерпнуть въ немъ духовную силу, — остается только погибнуть, какъ бы онъ ни былъ великъ. Самый даровитый народъ въ мірѣ, даже греки, не могли бы пережить такой печати».

«Печать дѣйствительно была когда-то передовымъ бойцомъ духовныхъ интересовъ въ политикѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ; она была учителемъ и духовнымъ наставникомъ большой публики. Она боролась за идеи и старалась поднять до ихъ уровня массы. Но постепенная привычка къ платнымъ объявленіямъ, первоначально занимавшимъ небольшое мѣсто на послѣдней страницѣ, произвела глубокое перерожденіе въ сущности печати. Оказалось, что эти объявленія — отличный способъ добывать богатство и получать посредствомъ газетъ громадныя годовыя доходы.

Съ этого времени газета стала очень выгоднымъ предпрїятіемъ для издателя, обладающаго капиталомъ или только жадно стремящагося къ его обладанію; но для того, чтобы получить много объявленій, прежде всего необходимо добыть какъ можно больше подписчиковъ, такъ какъ объявленія стекаются въ массѣ разумѣется только къ такимъ листкамъ, которые имѣютъ большой кругъ подписчиковъ. Съ этого момента дѣло было уже не въ томъ, чтобы бороться за великія идеи и медленно и постепенно возвышать до нихъ большую публику, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы выражать такія мнѣнія, которыя, каковы бы они ни были, сами по себѣ, были бы прїятны возможно большому числу газетныхъ покупателей (абонентовъ).

И такъ, съ этого момента, газеты превратились не только въ обыкновенное денежное предпріятіе, но въ нѣчто гораздо худшее,—въ дѣло глубоко притворное, вѣдущееся подъ видомъ борьбы за великія идеи народнаго блага.

Честный писатель скорѣе позволитъ отрубить себѣ руку, чѣмъ скажетъ обратное тому, что думаетъ, или напишетъ не то, что думаетъ. Когда онъ безусловно не можетъ выразить своей мысли, въ какой бы то ни было формѣ, онъ лучше совсѣмъ не будетъ писать. Но въ газетахъ это невозможно, ввиду денежной стороны дѣла. Газеты должны появляться, это обусловливается самымъ характеромъ предпріятія.

Пусть тотъ, кто хочетъ зарабатывать деньги фабрикуетъ миткаль, холстъ, или пусть играетъ на биржѣ, но ради низкой корысти отравлять всѣ источники народнаго духа и ежедневно подносить народу духовную смерть изъ тысячи каналовъ—это величайшее преступленіе, какое я только могу себѣ представить».

«Подумайте также о необходимости воздѣйствія газетной работы на газетныхъ писателей. Прибыльное дѣло объявленій дало собственникамъ газетъ средства содержать умственный пролетаріатъ, постоянное войско газетныхъ писателей, посредствомъ котораго они конкурируютъ между собой и стремятся расширить свое дѣло и увеличить свои доходы отъ объявленій; но кто же пойдетъ въ это войско, кто изъ уважающихъ себя и имѣющихъ хоть какія нибудь способности къ серьезной дѣятельности въ области науки, мысли или гражданской жизни?

«Вы, пролетаріи,—говоритъ Лассаль, обращаясь къ рабочимъ,—продаете своимъ хозяевамъ только время и матеріальную работу,—они продаютъ свою душу, потому что корреспондентъ долженъ писать такъ, какъ

этого хочетъ редакторъ и собственникъ, а редакторъ и собственникъ долженъ писать то, чего хотятъ подписчики и что разрѣшаетъ правительство... Вы, пролетаріи, продаете себя только для одного дѣла, которое вы знаете и понимаете, они, умственные пролетаріи, должны ежедневно наполнять длинные столбцы разсужденіями о тысячѣ предметовъ по политикѣ, праву, экономіи, науки, обо всѣхъ отдѣлахъ законодательства, о дипломатическомъ и историческомъ положеніи всѣхъ народовъ. Имѣется ли у нихъ объ этомъ достаточное или хотя бы какое нибудь понятіе—все равно надо говорить: газета должна быть наполнена, этого требуетъ самое существо дѣла. Незнаніе и незнакомство съ предметомъ должны быть какъ можно лучше прикрыты ходячими фразами.

«Всѣмъ этимъ обусловливается то обстоятельство, что лучшіе элементы, которые прежде принимали участіе въ печати, постепенно устранились отъ нея за немногими единичными исключеніями, и печать обратилась въ сборище посредственностей всѣхъ раззоренныхъ, разбитыхъ существованій, всѣхъ лѣнивцевъ и невѣждъ неспособныхъ ни къ какой настоящей работѣ, которые находятъ въ печати сравнительно легкой и выгодный способъ существованія. Это современные ландскнехты пера, это умственный пролетаріатъ, это постоянное войско газетныхъ писаковъ образуетъ общественное мнѣніе и наноситъ народу гораздо болѣе тяжелья раны, чѣмъ постоянное войско солдатъ».

Все, что говоритъ Лассаль о періодической печати въ Германіи съ такимъ же правомъ можетъ быть отнесено къ ней въ Россіи. Законы о печати должны конечно имѣть въ виду не выгоды тѣхъ, кому угодно было вложить свои капиталы въ издательскія предпріятія, а пользу читателей и права третьихъ лицъ, имущественные и личные интересы которыхъ затра-

гиваются сообщеніемъ живыхъ свѣдѣній или даже дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто фактовъ, когда этимъ фактамъ придается тенденціозная окраска; оскорбленныя или оклеветанныя лица часто совсѣмъ не подозреваютъ о появленіи статей, которыя производятъ, однако, на общество свое дѣйствіе и достигаютъ цѣли. Ввиду этого, помянутыя преступленія должны бы преслѣдоваться въ порядкѣ общаго обвиненія, гдѣ бы они ни совершались, независимо отъ жалобы обвиняемаго.

Передъ «судомъ общества» требованіе доказательствъ отъ обвинителя, фактически ставитъ его въ положеніе обвиняемаго. Конечно можно возразить, что едва ли прокуроръ, цензоръ или полиція могутъ обнять въ клеветѣ корреспондента, сотрудника или редактора, когда самъ оклеветанный не отрицаетъ приписываемаго ему дѣянія; но вѣдь для того, чтобы возражать на клевету надо знать о ней, если и послѣ предъявленія статьи потерпѣвшій не представитъ возраженій, судъ, конечно, будетъ имѣть возможность признать обвиняемаго виновнымъ только въ диффамации, а не въ клеветѣ; но одной угрозы уголовного преслѣдованія за распространеніе лжи посредствомъ печати будетъ уже достаточно, чтобы очистить періодическіе органы печати отъ девяти десятыхъ тѣхъ мерзостей, которыя распространяются шантажистами-обличителями, подъ предлогомъ радѣнія объ интересахъ общественной нравственности. Выгодно или невыгодно для предпринимателя то или другое коммерческое предпріятіе — это не касается ни государства, ни общества и денежные условія между издателями, редакторами и сотрудниками свободно могутъ быть предоставлены ихъ взаимному соглашенію. Правда, что нѣкоторая грамотность и нѣкоторое довѣріе правительства служили иногда предметомъ торговли въ

казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ; но едва ли это было достаточнымъ основаніемъ, чтобы вынести такой торгъ на улицу и предоставить полуграмотнымъ людямъ, готовымъ за малое вознагражденіе, когда угодно сѣсть въ тюрьму, явиться просвѣтителями молодежи и тѣхъ народныхъ массъ, которыми будто бы такъ интересуются наши «лучшіе люди» и все наше «мыслящее общество».

Раздѣленіе функций редактора и издателя есть результатъ той основной лжи, которая сдѣлала прибыльнымъ торговлю мнимыми «убѣжденіями», хотя въ ихъ искренность почти никто уже не вѣритъ. Торговля эта прибыльна и тотъ, кто хочетъ заниматься ею, долженъ принять на себя, по крайней мѣрѣ, денежный рискъ; онъ долженъ дать средства тѣмъ, кто будетъ снабжать работой его типографію. Для промышленника все равно какія статьи и какія объявленія набираются въ его типографіи, лишь бы набрано было столько-то вершковъ, аршинъ или верстъ. При такихъ условіяхъ, очевидно, между интересами издателей, писателей и читателей нѣтъ почти ничего общаго.

Тотъ авторъ, который искренно стремится къ рѣшенію тѣхъ или другихъ общественныхъ или научныхъ вопросовъ, тотъ издатель, который мечтаетъ только объ увеличеніи подписки и числа объявленій, тотъ наборщикъ, который добивается только увеличенія заработной платы и сокращенія рабочаго дня и тотъ читатель, который воображаетъ, что онъ изъ своей газеты почерпаетъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о современной дѣйствительности — не могутъ преслѣдовать одной и той же цѣли. Цѣли ихъ постоянно скрещиваются и противорѣчатъ другъ другу.

Но государство не призвано заботиться объ интересахъ того или другого класса, а только объ охранѣ

правъ каждаго; оно должно заботиться о томъ, чтобы они не были нарушены или о томъ, чтобы они были насколько возможно возстановлены судомъ. Когда споръ идетъ между отдѣльными лицами—рѣшеніе его большею частью относительно просто и обвиняемый и обвинитель обыкновенно на лицо и остается опредѣлить только фактъ нарушенія закона въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ. Но въ печати ни время ни мѣсто не имѣютъ значенія и невозможно опредѣлить гдѣ и когда скажется вліяніе той или другой статьи. Но съ другой стороны тоже самое обстоятельство значительно упрощаетъ дѣло суда. Предварительное и судебное слѣдствіе становятся почти ненужными; но тѣмъ болѣе необходимо, чтобы та судебная власть, которая должна замѣнить и отмѣнить цензуру, по умственному и нравственному значенію стояла выше средняго уровня. Необходимо, чтобы она была доступна не только тѣмъ формальнымъ соображеніямъ, которыя могутъ быть точно выражены положительнымъ закономъ; но и тѣмъ внутреннимъ смысломъ, который позволялъ бы ей угадывать дѣйствительныя намѣренія автора.

Все вышеизложенное можно резюмировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Всѣ появляющіяся въ печати статьи должны быть подписаны полнымъ именемъ авторовъ.

2) Въ періодическихъ изданіяхъ отвѣтственность редактора и издателя—нераздѣльны.

3) Судъ по дѣламъ печати принадлежитъ особому внѣвѣдомственному учрежденію, который въ своихъ постановленіяхъ руководствуется не только формальными требованіями гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, но и совокупностью всѣхъ обстоятельствъ, значеніе которыхъ мѣняется сообразно условіямъ мѣста и времени.

(Все сказанное въ этомъ докладѣ, въ концѣ концовъ, сводится къ одному положенію: —*печать должна говорить правду и только правду*.) Изъ этого положенія сами собою вытекаютъ всѣ законы, которые должны лежать въ основаніи печатнаго дѣла и напрасно современные фарисеи пытаются отвѣтить на это требованіе вопросомъ Пилата:—что есть истина?

99 DEK 1911